

ЗАВТРАШНИК

К этому нельзя привыкнуть. Каждый раз, попадая в дом, более подходящий на музей, задаешься вопросом: "Какой любовью к старине надо обладать, чтобы жить здесь?" И уникальный стол, драпированный модным в XIX веке зеленым сукном, и пузатый шкаф на выгнутых ножках, и троподобные кресла, изумительные картины в полстены... Не дотрагиваться, дышать страшно! Однако, пообщавшись с хозяином сего великолепия, драматургом, писателем и киносценаристом Александром Мишариным, автором сценариев к фильмам "Зеркало", "Усатый нянь", "Коней на переправе не меняют" и другим, поняла: дело не в старине. В подобных интерьерах живут особые люди. Для них стремление к художественному совершенству во всем, вплоть до домашней обстановки, неразрывно связано с самим смыслом жизни.

— Александр Николаевич, я слышала, что история дома, где мы находимся, весьма трагична...

— Да, этот дом в поселке, а теперь уже городе Сходня построен нашей семьей в 30-х годах прошлого века. Жить в нем собирались семьи трех сестер, одна из которых — моя мать. Но дом получился несчастливый. Он возводился по чертежам мужа старшей сестры — Николая Климентьевича Янковского, известного архитектора того времени, репрессированного в 1938 году. Его расстреляли через месяц после ареста. Потом пришли за его женой. Чуть позже арестовали и моего отца... В общем, из всего дома нам с мамой осталась только одна комната. Остальные заняли чужие люди. И хотя я не стал свидетелем тех горьких дней, все равно чувствовал тягостную атмосферу арестов и потому не любил его, как, впрочем, не любила его и моя мать.

— Кем были ваши родители?

— Отец — военный, а мама занималась домом. Отец был очень пожилым человеком. Когда я родился, ему уже исполнилось 59 лет. Он знал, что судьба его будет нелегкой. Занимал достаточно высокие посты и понимал, что без ареста не обойдется. В том, что он решился на рождение сына, состоял серьезный вызов судьбе. К счастью, жизнь дала ему возможность насладиться ею в полной мере. Отец умер, когда ему было 80 лет.

— Вы же хотели стать артистом — откуда драматургия?

— Писать я начал рано, еще в школе. Однако в драматургию подался позже. Да, сначала поступил в Щепкинское училище на актерский факультет. Но, видно, это желание было не слишком страстным. Для меня стало ясно, что в театре главный — драматург. То, что происходит на сцене, создает автор: Шекспир, Мольер, Островский, Чехов... — а не актер. Поэтому я взялся за драматургию и достаточно быстро добился успеха. Когда учился на 3-м курсе, в Малый театр была принята постановка наша первая с Андреем Бейцлером (моим однокурсником) пьеса "Песня о ветре". Через год в "Ленком" поставили "Гамлета из квартиры №13", еще через три — в Театре им. Маяковского зритель увидел нашу пьесу "Опасная тишина".

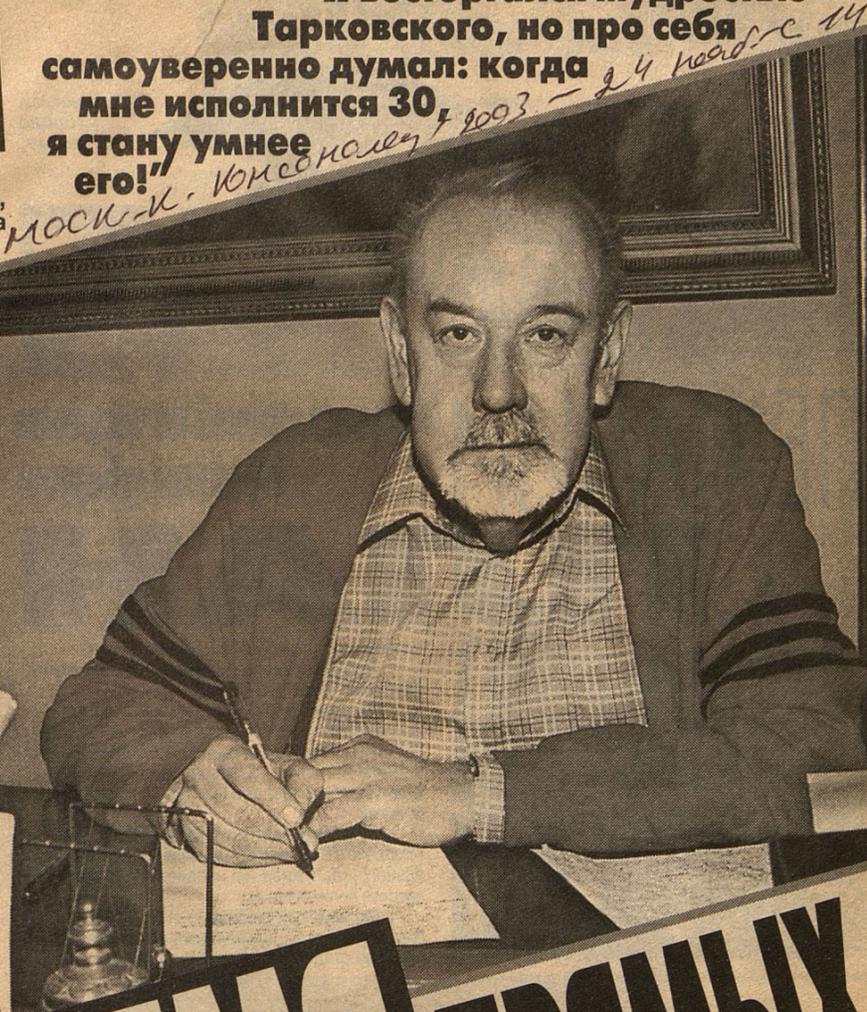
— Голова не закружилась?

— Да, конечно! 21 год! Было полное ощущение, что мы, молодое поколение шестидесятников, переворачиваем мир. Казалось, надо все резко менять, жизнь требует только нового: других пьес, другой драматургии... Подъем неимоверный! В каждой области зажглись свои новые звезды: в поэзии — Ахмадулина и Вознесенский, в театре — Любимов, Товстоногов, Эфрос, Ефремов. В кино появились масса крупных художников разных поколений: Ромм, Столпер, Бондарчук...

И с этой стороны я признателен судьбе, что в период оттепели в искусстве мне удалось не затеряться в общем литературном процессе. Не в последнюю очередь — благодаря тому, что меня

Александр МИШАРИН:

"Я восторгался мудростью Тарковского, но про себя самоуверенно думал: когда мне исполнится 30, я стану умнее его!"

ВРЕМЯ ПРЯМЫХ ЗЕРКАЛ

поддерживали талантливые и близкие мне люди. Мы дружили с Олегом Ефремовым, Олегом Табаковым, его первая жена, Люда Крылова, была нашей сокурсницей. Ну и, конечно, знаменательным для меня стало знакомство с Андреем Тарковским. Мы познакомились в 1962 году, в последний раз я его видел в Италии в 1982-м. На протяжении 20 лет мы виделись практически каждый день, были близкими друзьями.

— Вашей дружбе не мешала почти десятилетняя разница в возрасте?

— Если быть точными, нас разделяло 8 лет. На момент первой встречи Андрею было 30, мне — 22. Но я не испытывал комплекса неполноценности по этому поводу. Наоборот. Я восторгался талантом, мудростью Андрея, но про себя самоуверенно думал, что у меня есть еще целых 8 лет. Чего мне волноваться! Да к тому времени, когда мне исполнится 30, я стану умнее его!

— Ну и как, стали?

— То, что я много приобрел в духовном плане, общаясь с Андреем, это точно. Мы же с ним были не только близкие друзья. Сделали две работы: сценарии к фильму "Зеркало" и фильму "Сардор", который, к сожалению, не поставлен. Работа над "Зеркалом" заняла достаточно долгое время. Первый вариант сценария написан в 1968 году, а снят фильм только в 1974-м. За те три года, что прошли между первым и вторым, окончательным вариантом сценария, Андрей снял "Солярис". Мы с ним даже поругались по этому поводу. Я ему говорил: "Когда ты хотел ставить "Рублева", то отказывался от всех предложений: от съемок в Америке, от работы с Леонидом Леоновым... Стоял на своем. Почему сейчас этого нет?" На год-полтора мы с ним разошлись, хотя назвать это большой размовкой нельзя, раз я снимался у него в "Солярисе". Но я был обижен. А когда Андрей снял "Солярис", снова возникла проблема с "Зеркалом". Он очень боялся снимать этот фильм.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые трудно отобразить. Еще были живы его мать и отец. О живых людях надо было рассказать как об умерших. Да еще о своих родителях. Это достаточно сложно. К тому же — чтобы получилось художественное произведение, а не семейные хроники. Те шесть лет, что ушли на фильм, были ужасно сложными. До последнего монтажного стыка, до озвучивания последней сцены не спадало напряжение. Я помню, частыми были моменты, когда в 11 часов вечера входит Андрей и говорит: "К утру надо написать такую-то сцену". Садился и писал.

— Каким Тарковским был в общении?

— Смотря для кого. Для меня — легким. А для других — тяжелым.

— В чем это выражалось?

— Он — человек крайних степеней представления, что хорошо, а что плохо в искусстве. Андрей всегда придерживался крайних точек зрения. Он был в некоторой степени человек зажатый, т.е. все время как бы ожидал удара. Отсюда некоторая агрессия. Но когда Андрей знал, что он среди людей, которые его любят, становился совершенно другим человеком. Мягким и открытым.

— Как, на ваш взгляд, к нему относились советская власть?

— Она его и боялась, и ценила. Власть всегда персонифицирована. Какой-то чиновник, как, допустим, председатель Госкино СССР Ермаш, мог на него обидеться. Он дал нам полную свободу при съемках "Зеркала". Мы снимали практически без утвержденного сценария. И потом, когда он посмотрел картину, сказал: "У нас есть свобода творчества, но не до такой же степени!"

Мы писали заявки на десятка полтора произведений. Среди них — "Мастер и Маргарита", "Идиот" и масса других. Нам все время отвечали отказом. После выхода "Сталкера" отношения Тарковского с киночиновниками еще более обострились. Ему пришлось задумываться о выезде из страны. Последний раз мы встретились в Италии. Мы сидели в парке Вилла Боргезе и проговорили больше шести часов. Возникли планы, идеи... Но осуществиться им было уже не суждено.

— Вы действительно общались с Анной Ахматовой?

— Да, немного. Это происходило в семье Ардовых, с детьми которых я дружил.

— Какие впечатления у вас остались о ней?

— (После долгой паузы.) Это совершенно особый остров. Территория своего управления. Она находилась среди людей, но дистанция между нами всеми и ней чувст-

— Отчего же?

— Он больше занят режиссерским, чем авторским прочтением. Вот Лев Дуров, главный режиссер Театра на Малой Бронной, мой старый приятель, как раз человек реалистического направления. Поэтому мы с ним работаем. Но следующую пьесу я не собираюсь писать. Думаю о следующем романе.

— Вот какие настроения у автора знаменитой пьесы "Серебряная свадьба"?

— Да, тогда я почувствовал: можно что-то говорить. А на душе скопилось многое. Ведь за два года до начала перестройки я ничего не писал. Темы, которые хотелось затронуть, запретны. А о позвольном — писать не хотелось. Когда ветер, как говорится, начал дуть в другие паруса, родились другие пьесы — они собирали весь бомонд Москвы. На первых спектаклях сидело все Политбюро. Что на "Серебряной свадьбе" во МХАТе, что на "Равняется четырем Франциям" в Вахтангова. "Свадьба" была включена в программу XXV съезда партии. Зал замирал от ужаса, слушая, что говорят со сцены. Они, наверное, думали: а выпустят ли их потом из зала?..

Сам спектакль был замечательным, он шел 10 лет. Я счастлив, что именно во МХАТе поставили мою пьесу. Для меня всегда Олег Николаевич Ефремов был человеком многозначимым. В спектакле играли прекрасные артисты: Евстигнеев, Табаков, Щербаков, Борисов, Гуляев, Невинный и много других. Олег Ефремов не раз говорил во всеулышьяне, что "Серебряная свадьба" — лучшая пьеса того времени.

Но это был театральный пик. Начались события 91-го, 93-го годов. Жизнь сама походила на театр. Поэтому в последние годы я больше писал пьесы для заграничных.

— О чем вы жалеете в жизни?

— О многом. Но это неправильно. Жизнь — бесценный дар. Ее можно ругать, принимать или нет, но главное — жить. Понимать, что у нее есть и прелести, и тяготы, и трагедии. Время все расставит по своим местам. Шекспир не зря говорил: "Время — честный парень". Поэтому сегодня к своим ошибкам я отношусь достаточно спокойно. Жизнь все равно требует, чтобы ее прожили, а потом ты разберешься, что было хорошо, что не очень, что — важным, а что — случайным. Жизнь так устроена, что золото отмыывается после промывки породы. И только потом видишь, что было настоящим, а что — пустым.

Мне вот, например, всегда казалось, когда я ставил последнюю точку в произведении, что уж сейчас-то я точно выложился по максимуму. Проходит время. И снова начинаешь думать: нет, надо писать дальше!..

Светлана ЛОГВИНОВА,
пос. Сходня.